

О вешалке, ступеньках и микроклимате

Седой служитель гардероба учтиво принял пальто, оценил мимоходом мои очки и не стал предлагать бинокль. Лишний раз уверовав, что театр начинается с вешалки, я пошла разыскивать свое место. Бельэтаж — прекрасный этаж. Хорошо.

Правда, у входа в зрительный зал встретили меня строго: «Вам в бельэтаж? Покажите билет». Но и это не развеяло радужного моего настроения.

Минуту спустя тот же суровый голос распекал парня и девушку. Молодые люди чувствовали себя преступниками на том основании, что приняли прекрасный этаж за 1-й ярус. Невыносимо было видеть, как терялись они и краснели под безжалостным взглядом блюстительницы порядка.

Но и тут я не пала духом. Вот потухнет свет и воцарится тишина, как и положено в МХАТе, хотя бы даже и в филиале. И зря я

обращаю внимание на все эти мелочи.

Померк свет, но возжеланной тишины не настало. Уже давно шел спектакль, а у той самой строгой двери все не прекращались какое-то доверительное шептание, шуршание, шелест. И скрипели, ах, как скрипели под ногами опоздавших старые деревянные ступени.

Зажать уши? Но тогда не слышно, что говорит, чему улыбается Степанова, отчего так нарочито суров Кто-ров. Такой уж спектакль «Милый лжец», что пропустишь фразу — и долго потом не понимаешь, о чем речь на сцене.

Наконец перестали пускать опоздавших, но скрип разошедших половиц сменился безжалостным поскрипыванием старых красел. Не то чтобы повернуться, переменить позу — стоило только перевести дыхание, как за спиной раздавался предательский звук. Прямо как на ведьминских посылках, скрип шел на все

лады, во всем доступном уху диапазоне звуков.

Куда уж там следить за тонкими переживаниями мысли великого драматурга или темпераментными пассажами великой актрисы. Порой казалось, что там, на сцене, тоже слышат эти раздражающие душу звуки, и от этого мороз пробегал по спине. Но действие продолжалось. Герои страдали, торжествовали, подбадривали друг друга, а я уж думала бог весть о чем. Решаюсь признаться в этом исключительно для того, чтобы вполне явным стало несоответствие между тем, на что рассчитан умнейший мхатовский спектакль, и микроклиматом в иных частях зрительного зала.

Явился свет, и я вздохнула с облегчением. Учтивый служитель гардероба, ничем не обнаружив своего удивления или осуждения, помог мне одеться. И я заспешила домой, решив про себя, что в бельэтаж я больше не хожу.

Т. КУРЕЛЛА.